80

С. Гунтеръ.

Д.39

Матеріалистическое пониманіе исторіи и практическій идеализмъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

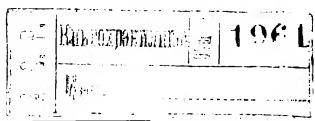
ИЗДАНІЕ
Е. ГОРСКОЙ
1906.

I V I 839

С. Гунтеръ.

Матеріалистическое пониманіе исторіи и практическій идеализмъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.



ИЗДАНІЕ Е. ГОРСКОЙ. 1906.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 Ноября 1905 г.

КІЕВЪ.
Типографія С. А. БОРИСОВА, Мало-Житомирская ул., д. № 16.
1906.

Матеріалистическое пониманіе исторіи и практическій идеализмъ.

Буржуазные интеллигентные круги убѣждены, что матеріалистическое пониманіе исторіи исключаетъ всякіе идеалы. Подобное убѣжденіе мѣшаетъ окончательно примкнуть къ матеріалистическому пониманію исторіи даже тѣмъ, которые въ теоріи начинаютъ близко къ нему подходить и не считаютъ возможнымъ отдѣлаться отъ него, подобно доктору Барту, парою фразъ, свидѣтельствующихъ о его полномъ непониманіи этого ученія. Такъ поступаетъ и профессоръ въ Галле Штаммлеръ въ своемъ сочиненіи: „Wertschaft und Recht nach der Materialistischen Geschichtsauffassung“.

Признавая,—и мы это подчеркиваемъ,—что матеріалистическое пониманіе исторіи является единственнымъ пониманіемъ ея, которое не только трактуетъ о закономѣрности человѣческой исторіи, но и дѣйствительно пытается дать о ней ясное представленіе, Штаммлеръ все же благодаря своему псевдо-идеалистическому

КНИГА ИМѢЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка в порядковый	19 г.
2/						D	527/2739	

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 Ноября 1905 г.

Матеріалистическое пониманіе исторіи и практическій идеализмъ.

Буржуазные интеллигентные круги убѣждены, что матеріалистическое пониманіе исторіи исключаетъ всякіе идеалы. Подобное убѣжденіе мѣшаетъ окончательно примкнуть къ матеріалистическому пониманію исторіи даже тѣмъ, которые въ теоріи начинаютъ близко къ нему подходить и не считаютъ возможнымъ отдѣлаться отъ него, подобно доктору Барту, парою фразъ, свидѣтельствующихъ о его полномъ непониманіи этого ученія. Такъ поступаетъ и профессоръ въ Галле Штаммлеръ въ своемъ сочиненіи: „Wertschaft und Recht nach der Materialistischen Geschichtsauffassung“.

Признавая,—и мы это подчеркиваемъ,—что матеріалистическое пониманіе исторіи является единственнымъ пониманіемъ ея, которое не только трактуетъ о закономѣрности человѣческой исторіи, но и дѣйствительно пытается дать о ней ясное представленіе, Штаммлеръ все же благодаря своему псевдо-идеалистическому предубѣжденію не можетъ вникнуть въ сущность этого ученія.

Прежде всего онъ бросаетъ два упрека матеріалистическому пониманію исторіи:

1) Матеріалистическое пониманіе исторіи является „незаконченнымъ“ въ томъ отношеніи, что оно недостаточно „познавательно-критически“ установило извѣстныя основныя понятія, какъ напр. „экономическія явленія“, „хозяйственныя отношенія“ и др. и поэтому совершенно искажаетъ ученіе о правѣ, утверждая, что оно зависитъ отъ особенностей соціальнаго хозяйства (стр. 79). Но „ошибочно считать отно-

шеніе правового регулированія къ соціальному хозяйству причиннымъ воздѣйствіемъ и разсматривать его съ точки зрѣнія причины и слѣдствія. Послѣднее предполагаетъ, что и то и другое, хозяйство и право, представляютъ два самостоятельныхъ, обособленныхъ другъ отъ друга объекта, тогда какъ въ дѣйствительности это совершенно не такъ" (стр. 229).

2) Нѣтъ подтвержденія того, что соціальная закономѣрность и причинно-понимаемый процессъ возникновенія соціальныхъ стремленій представляютъ одно и тоже" (стр. 79). Потому что „существуетъ вполнѣ опредѣленное и коренное различіе между познаніемъ причиннаго событія и установленіемъ цѣли". (стр. 354). И научно не обосновано, что телеологическая необходимость можетъ быть разсматриваема, какъ причинно-необходимое слѣдствіе" (стр. 429).

Эти обѣ точки зрѣнія полемики Штаммлера насъ ближе всего затрагиваютъ, и поэтому мы хотимъ выдѣлить ихъ и подробно разобрать.

Что касается перваго упрека, то его мы можемъ обойти молчаніемъ, такъ какъ въ сущности онъ почти сводится къ различному пониманію словъ. Болѣе обстоятельно мы должны разсмотрѣть второй упрекъ, такъ какъ въ его основѣ лежитъ широко распространенная метафизическая ошибка, согласно которой практическій идеалъ можетъ быть основанъ только на теоретическомъ „идеализмѣ". Здѣсь мы должны указать на то, что Штаммлеръ ведетъ непонятную двойную бухгалтерію, итоги которой не сходятся и послѣднее мы должны обосновать положительными данными: 1) какимъ образомъ духовныя явленія въ причинной цѣпи событій должны дѣйствовать самостоятельно; 2) почему историческій матеріализмъ, который необходимо строго отличать отъ общаго матеріализма, не только можетъ, но въ силу необходимости и является практическимъ идеализмомъ. Поэтому наша статья распадается на три части: 1) „экономическая матерія и правовая форма"; 2) „причинность и духовная жизнь"; 3) „историческій матеріализмъ и практическій идеализмъ".

Экономическая матерія и правовая форма.

Въ предисловіи, къ „Zur Kzitik der pol. Oek“ (стр. XI) Марксъ говоритъ: „Сумма этихъ производственныхъ отношеній („которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ“) составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія“, эта мысль, какъ извѣстно, служитъ для историческаго матеріализма однимъ изъ основныхъ положеній. На противоположность, въ которой здѣсь находятся „экономическая структура“ и „юридическая и политическая надстройка“, Штаммлеръ энергично нападаетъ, подчеркивая недопустимость подобнаго противопоставленія, такъ какъ всякое общественное хозяйство совершенно немыслимо безъ правовой и политической регулировки. Отношеніе взаимной зависимости хозяйства и права аналогично, въ глазахъ Штаммлера, „функціональному“ отношенію, въ математикѣ. Марксъ же, по его мнѣнію, ошибается превращая эту *функціональную* зависимость въ *причинную*.

Упрекъ, повидимому, является очень серьезнымъ, вѣскимъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности все сводится приблизительно къ спору въ родѣ слѣдующаго: одинъ естествоиспытатель изслѣдуетъ ростъ дерева и говоритъ, что лежащій между древесинноі дерева и его корой производительный слой клѣточекъ, камбіальный слой, образуетъ съ одной стороны древесину, съ другой стороны кору. Кора, говоритъ онъ, располагается снаружи и, покрывая производительную, ткань, защищаетъ ее; по мѣрѣ роста дерева, пріостанавливается ростъ старой коры, наконецъ, она разрывается и сразу или постепенно спадаетъ.

Ему возражаетъ другой: „Какая безсмыслица! Дерево безъ коры совершенно нежизнеспособно, въ ея соковыхъ клѣточкахъ совершается жизненный процессъ дерева. Мыслимо ли противопоставлять причин-

но другъ другу кору и производительную ткань? Истина заключается въ томъ, что необходимо различать матерію клѣточки отъ ея формы, т. е. живыя строительныя вещества клѣточки. Въ послѣднихъ, въ живыхъ сокахъ концентрируются силы, которыя производятъ преобразованія и новообразованія".

Послѣдній, слѣдовательно, считаетъ необходимымъ прежде всего указать на невозможность предполагать существованіе живыхъ соковъ клѣточки безъ формъ клѣточки. Чисто анатомическое (аналитическое) различіе между содержаніемъ и формой клѣточки настолько поглощаетъ все его вниманіе, что онъ совершенно не въ состояніи уловить мысль перваго изслѣдователя. Первый изслѣдователь прекрасно знаетъ аналитическое различіе, но это различіе для его цѣли не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ хочетъ выяснить физіологическія соотношенія не между стѣнкой клѣточки и сокомъ клѣточки, а между тканеобразующей и болѣе или менѣе омертвѣлой клѣтчатою тканью. Это же соотношеніе является дѣйствительно причиннымъ, а не только функціональнымъ. Слѣдовательно, второй изслѣдователь возражаетъ первому совершенно невпопадъ.

Совершенно такое же смѣшеніе допускаетъ и Штаммлеръ. Онъ анатомъ, который вскрывая живой хозяйственный организмъ во многихъ мѣстахъ, постоянно находитъ хозяйство и право, какъ матерію и форму, различными. Пользуясь этимъ различіемъ, онъ затѣмъ въ качествѣ физіолога заявляетъ: „Совершенно вѣрно, что измѣненія и преобразованія соціальной жизни должны вызываться *движеніями матеріи самой соціальной жизни* (стр. 344)". Послѣднее въ сущности сводится только къ тому, что уже заключается въ словахъ физіолога экономіи, Маркса: „На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, пользуясь юридическимъ выраженіемъ, съ имущественными отношеніями", и „съ измѣненіемъ экономической основы медленнѣе или быстрѣе измѣ-

няется вся громадная надстройка". Штаммлеръ только примѣняетъ слово „право" (какъ вышеупомянутый естествоиспытатель слово „кора") нѣсколько въ другомъ смыслѣ, чѣмъ его противникъ. Марксъ говоритъ объ юридической надстройкѣ, объ отношеніяхъ имущественныхъ, какъ объ *юридическихъ* выраженіяхъ производственныхъ отношеній, слѣдовательно, онъ говоритъ объ установившемся, кодифицированномъ правѣ, которое существуетъ не только какъ защищающая, но также въ случаѣ необходимости и какъ сдерживающая кора вокругъ соковыхъ клѣточекъ живого хозяйственнаго организма. Устраненіе этого стараго и отжившаго правового порядка совершается подъ вліяніемъ извѣстныхъ причинъ, а именно вслѣдствіе того, что болѣе развитое хозяйство стремится образовать новую, соотвѣтствующую ему кору,—мы хотимъ сказать юридическую форму,—а старую сбросить. Этого естественнаго хода развитія Штаммлеръ не замѣчаетъ, благодаря тому, что онъ всецѣло поглощенъ своимъ аналитическимъ отличіемъ хозяйственной матеріи отъ правовой формы. Поэтому онъ думаетъ, что Марксъ просмотрѣлъ необходимость для каждаго хозяйства имѣть свою правовую форму. Что съ Марксомъ ничего подобнаго не могло случиться, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что для него все производство является только, „измѣненіемъ формъ" („Капиталъ", I, стр. 167), что онъ говоритъ объ *общественной формѣ* процесса производства („Капиталъ". I т., стр. 588). Въ этомъ же, необходимо заключаются, правовыя отношенія, принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Конечно, это „право" Марксъ подробно не анализируетъ, ему это приходится дѣлать въ связи и въ случайномъ противопоставленіи живого хозяйства и окаменѣлаго юридическаго права.

Эта ссылка „анатома понятій" на имъ же указанное, анатомическое различіе находится въ тѣснѣйшей связи съ его кантіанствомъ. Кантъ выполнилъ очень почтенную работу проанализировавъ наше познаніе, а также предпринявъ изслѣдованіе состоянія нашихъ духовныхъ способовъ познанія: субстанціи,

причинности, количества, качества матеріи, формы и т. п. Такія различія мы во всякомъ случаѣ принуждены проводить. Но эти познавательныя средства не сводятся исключительно только къ функціямъ ума, они говорятъ также кое что и о самыхъ познаваемыхъ предметахъ. Количество и качество свойственны самимъ вещамъ, а не только нашимъ представленіямъ о вещахъ. Здѣсь является опасеніе какъ бы не установилось предположеніе, что то, что разъ въ предметѣ было познано, какъ количество, не можетъ другой разъ выступить какъ качество, что установилось въ предметѣ, какъ субстанція, не можетъ явиться въ другой разъ въ живой причинности, что разъ признано было, какъ матерія, не можетъ другой разъ разсматриваться, какъ форма.

Эту неподвижность, которую имѣютъ названныя познавательныя средства только, какъ понятія, переносятъ на обозначаемыя ими постоянно измѣняющіяся вещи и вещественныя отношенія. Этой опасности подвергается самъ Кантъ, также неокантіанцы Когенъ и Наторпъ, насколько они указываютъ на понятія, какъ на познавательныя средства, и наконецъ, всецѣло примыкающій къ нимъ Штаммлеръ. Здѣсь въ качествѣ коррегирующей инстанціи долженъ выступить Гегель и показать, что результаты анатомическаго анализа не должны переноситься въ неизмѣнной неподвижности на физіологическій жизненный процессъ. Историческій матеріализмъ является до извѣстной степени синтезомъ кантовско-гегелевской философіи въ области фактическаго опыта.

Причинность и духовная жизнь.

Штаммлеръ, присоединяясь къ Наторпу (Ibid. стр. 31), говоритъ: „*Существуетъ только одинъ опытъ, въ которомъ всѣ воспріятія представляются въ полной и закономѣрной связи*“. Основываясь на этомъ можно было бы предположить, что Штаммлеръ будетъ

также выводить идеи, цѣли, намѣренія, идеалы людей въ ихъ общей и закономѣрной связи изъ *одного* опыта. Однако онъ этого не дѣлаетъ. Напротивъ! Онъ бросаетъ соціализму, который такъ именно поступаетъ, упрекъ, упомянутый въ предисловіи, а именно, что соціализмъ не сообразуется съ тѣмъ. „что между познаніемъ причиннаго событія и между установленіемъ цѣли существуетъ коренное различіе". Онъ подчеркиваетъ неоднократно и весьма настойчиво это различіе въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Поскольку дѣйствіе разсматривается научно, какъ необходимое слѣдствіе предшествующей причины, постольку исключается всякое способствующее и благопріятствующее вліяніе человѣка".

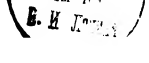
„Желаніе *требовать* причинно - *необходимаго* слѣдствія просто на просто non sens".

„Кто приготовляется къ предстоящей зимѣ, тотъ поступаетъ согласно *намѣренію,* потому что здѣсь *слѣдствіе его поступка* признается научно, не какъ причинно-необходимый результатъ, а представляется, какъ нѣчто имъ произведенное" (стр. 628).

„Имъ произведенное?" Слѣдовательно, это былобы противоположно „причинно-необходимому?" Слѣдовательно, должна была-бы существовать *двоякая причинность,* одна *естественная,* а другая *телеологическая,* и послѣдняя должна была-бы имѣть возможность какъ-нибудь втереться въ цѣпь первой? Или-же если она этого не можетъ, такъ какъ существуетъ только *одинъ* опытъ, то телеологія представляетъ одну лишь химеру.

Этимъ можно было-бы ограничить свои возраженія Штаммлеру, но мы боимся, что этого было бы недостаточно. Должны быть болѣе глубокія основанія для того, чтобы заставить такого человѣка, какъ Штаммлеръ, занять позицію, которую, какъ можно уже судить при бѣгломъ обзорѣ, всякій пятнадцатилѣтній школьникъ могъ бы признать ошибочной.

Затрудненіе, которое здѣсь несомнѣнно встрѣчаетъ даже умный человѣкъ, можетъ быть двоякаго рода. Съ одной стороны на насъ всѣхъ вліяетъ обусловленная нашимъ воспоминаніемъ склонность строго



различать умственныя и тѣлесныя свойства, какъ свойства различнаго рода, и эта склонность у Штаммлера еще усилилась благодаря привычкѣ мыслить по Канту, разсматривая аналитическія различія, какъ строго вещественныя различія.

А во-вторыхъ, это аналитическое различіе потому такъ энергично отстаивается, что непосредственное сознаніе какъ бы доказываетъ полнѣйшую несовмѣстимость свободы воли съ причиннымъ подчиненіемъ. Здѣсь, вопреки взгляду на общепримѣнимость закона причинности, отыскивается задняя дверь, черезъ которую можно было бы выскользнуть противорѣчію и спасти метафизическую свободу воли—и эта дверь находится. Штаммлеръ находитъ ее, присоединяясь къ Канту: „Причинная связь не представляетъ собою связь между предметами, которая устанавливается между ними сама по себѣ, а также внѣ всякой возможности нашего познанія; она представляетъ особый объединяющій способъ приводить въ порядокъ наши представленія“ (стр. 362). Конечно! Что̀ лежитъ за предѣлами возможности нашего познанія, о томъ мы не можемъ говорить. Но фраза, что причинность есть только „способъ приводить въ порядокъ наши представленія“ и представляетъ именно заднюю дверь, выражаетъ именно скрытую мысль, что телеологическій способъ познанія могъ бы все-таки стоять съ одинаковымъ правомъ рядомъ со способомъ причиннымъ. Съ такимъ же точно правомъ можно было бы сказать: хотя съ одной стороны земля вращается вокругъ солнца, но, несмотря на это положеніе: солнце вращается вокругъ земли, одинаково цѣнно, такъ какъ оно вѣдь основано на другомъ правильномъ способѣ познанія сущности предмета...

Мы бы посмѣялись надъ тѣмъ, кто пожелалъ бы въ данномъ случаѣ сужденіе внѣшняго чувства и сужденіе научное представить какъ двѣ „взаимно другъ друга исключающія альтернативы“, изъ которыхъ каждая была бы справедлива. Но мы смѣялись бы надъ этимъ только потому, что мы въ состояніи объяснить противорѣчащее внѣшнему чувству научное отношеніе вещей, и, слѣдовательно, въ дѣйствитель-

ности создать единое представленіе. Если бы мы этого не могли, то непостоянство внѣшняго чувства вѣроятно и здѣсь сыграло бы съ нами шутку и повело бы къ различнымъ попыткамъ сохранить ложное опредѣленіе, несмотря на геліоцентрическую систему. Поэтому въ настоящемъ случаѣ наша задача сводится къ тому, чтобы объяснить, *какъ умъ и воля въ состояніи функціонировать въ предѣлахъ причинной связи*. Именно это и выясняетъ матеріалистическое пониманіе исторіи, и такъ какъ Штаммлеръ призналъ эти пункты, въ которыхъ заключается это доказательство, то необходимо изложить ихъ подробнѣе.

Обыденное сознаніе *не только различаетъ* тѣлесныя и духовныя свойства, но оно ихъ рѣзко *противополагаетъ* другъ другу, какъ небо и землю. Историческій матеріализмъ не признаетъ этого метафизическаго разграниченія. Онъ беретъ человѣка, какъ *сознательное и дѣйствующее* существо, какимъ оно себя проявляетъ согласно опыту въ дѣйствительномъ жизненномъ процессѣ. Прежняя идеалистическая философія старалась выяснить только духовныя стороны этого жизненнаго процесса, а внѣшнія стороны разсматривала болѣе или менѣе, какъ нѣчто второстепенное. Напротивъ того, догматическій матеріализмъ разсматриваетъ только тѣлесный механизмъ; онъ смотритъ на человѣка просто, какъ на извнѣ растопленную и пущенную въ ходъ машину, внутреннія функціи которой остаются неизмѣнными. Историческій матеріализмъ, напротивъ того, превращаетъ объ эти односторонности въ единство *одного* жизненнаго процесса. Согласно Мерингу („Lessinglegende“ стр. 492) самой характерной чертой этого ученія является указаніе на способъ производства матеріальной жизни человѣка въ ея связи съ духомъ и природой.

Далѣе, матеріалистическое пониманіе исторіи не видитъ „непослѣдовательность“ не въ томъ, „что получаютъ признаніе идеальныя побужденія, а только въ томъ, что не пошли дальше, не изслѣдовали причинъ этихъ побужденій“ („Engels Feuerbach“ стр. 45). Въ одномъ, въ высшей степени важномъ во

всѣхъ отношеніяхъ мѣстѣ Марксъ говоритъ: „Человѣкъ самъ выступаетъ по отношенію къ матеріи природы, какъ сила природы“, а именно въ трудѣ. Послѣдній „прежде всего—процессъ происходящій между человѣкомъ и природой“, который совершаетъ человѣкъ „для того, чтобы присвоить себѣ матерію въ формѣ соотвѣтствующей его потребностямъ“; именно, это „процессъ, въ которомъ онъ посредствомъ своей дѣятельности содѣйствуетъ обмѣну веществъ между собою и природой, управляетъ и контролируетъ его“. („Капиталъ“ I, стр. 163).

Слѣдовательно, здѣсь человѣкъ понимается ясно и опредѣленно какъ „сила природы“ по отношенію къ другимъ силамъ природы, но тѣмъ не менѣе не какъ мертвая механическая сила, но какъ сознательно „управляющее и контролирующее“ существо. Этимъ телеологія признается безъ дальнѣйшаго доказательства. Не можетъ быть также рѣчи о желаніи понять ея связь съ причинностью чисто механически, какъ это дѣлаетъ метафизическій матеріализмъ. Противъ этого матеріализма Марксъ самъ выступаетъ очень рѣзко. Можно было бы думать, что нижеслѣдующую фразу изъ восьмого тезиса противъ Фейербаха написалъ какой-нибудь метафизическій идеалистъ: „Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди являются продуктомъ внѣшнихъ условій и воспитанія, и, слѣдовательно, измѣнившіеся люди являются продуктомъ измѣнившихся внѣшнихъ условій и иного воспитанія,—это ученіе забываетъ, что внѣшнія условія измѣняются именно людьми, и что воспитатель долженъ самъ быть воспитанъ“.

Этотъ, повидимому, идеалистическій упрекъ имѣетъ огромное значеніе. Онъ содержитъ въ себѣ вопросъ: Какъ совершается измѣненіе внѣшнихъ условій и это измѣненное воспитаніе воспитателей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ является рѣшающимъ для историческаго матеріализма.

Прежде чѣмъ разсматривать его принципъ, приведемъ аналогичный случай изъ чисто механической природы, чтобы сильнѣе отмѣтить сходства и различія. Разсмотримъ, напримѣръ, вертящійся волчекъ,

приведенный въ движеніе, онъ будетъ сохранять разъ принятую форму движенія, пока его сила не исчерпается отъ тренія и сопротивленія воздуха, если только не явится какая-либо новая задерживающая или движущая сила. Если является первая, напр. въ видѣ ножки стула на пути онъ разбивается или по крайней мѣрѣ движеніе его уменьшается или видоизмѣняется. Если же является вторая сила, направленіе которой совпадаетъ съ направленіемъ его движенія, видъ его движенія измѣняется, оно будетъ уже сложеніемъ предыдущаго и новаго импульса. Въ результатѣ „прогрессъ".

Слѣдовательно, уже въ мертвой механикѣ мы имѣемъ остановку, или же постепенное прекращеніе при недостаткѣ особыхъ, новыхъ импульсовъ, регрессъ или же моментальную смерть при задерживающемъ, и прогрессъ при увеличивающемся и сложномъ импульсѣ. Почти одинаково и только нѣсколько въ иной формѣ совершаются событія въ органической природѣ.

Возьмемъ такой случай. Нѣсколько питающихся травою и листьями четвероногихъ животныхъ попали въ узкую долину, откуда со всѣхъ сторонъ очень трудно найти выходъ. Въ центрѣ однако находится котловина, вполнѣ достаточно снабженная пищей. Но внезапно происходитъ наводненіе, которое заноситъ котловину камнями; животныя лишаются пищи, но голодъ заставляетъ ихъ искать ее. Одни изъ нихъ тщетно пытаясь выкарабкаться, падаютъ обратно. Другіе умираютъ отъ истощенія, третьи влачатъ жалкое существованіе, питаясь лишайниками, которыми раньше пренебрегали и которые они обгладываютъ со скалъ; наконецъ, отличающимся особенной силой счастливымъ экземплярамъ удается найти мѣсто, гдѣ они могутъ вскарабкаться на скалы. Сверхъ скалъ на горной почвѣ находятъ они богатое пастбище. Здѣсь становятся они и, раньше, всего, ихъ потомство сильные и ловче, чѣмъ они были раньше въ долинѣ.

Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ внѣшній механическій толчекъ, уничтоженіе наводненіемъ источника питанія, которымъ была вызвана голодовка. Но самъ голодъ не находитъ никакой пищи. Онъ дол-

женъ съ своей стороны сначала заставить существующія духовныя силы искать пищу, а послѣднія должны опять направить члены тѣла въ тѣ мѣста, гдѣ есть надежда найти пищу. *Причинная цѣпь, слѣдовательно, проходитъ чрезъ мозгъ животнаго, размышленіе и напряженіе воли являются ея собственными звеньями.* Гдѣ эти духовныя силы не находятъ себѣ исхода, тамъ наступаетъ смерть. Совершенно непонятно, въ чемъ здѣсь Штаммлеръ усматриваетъ „неумолимую альтернативу—различать и проводить границу между причинно-понимаемымъ познаніемъ и цѣлесознательной волей" (стр. 432). Цѣлесознательная воля должна здѣсь также „необходимо" пониматься въ предѣлахъ причинной связи.

Но мы должны считаться здѣсь съ побужденіями и измѣненіями двоякаго рода. Когда наводненіе уничтожаетъ пищу, увеличиваетъ голодъ и побуждаетъ искать новую пищу, то конечный импульсъ, какъ указано, чисто механическій, но животныя научились лучше карабкаться. То, чему они научились, не лежало по пути перваго толчка, не было также необходимымъ слѣдствіемъ сознательной цѣли—искать пищу. Тѣмъ не менѣе, увеличившаяся способность лазить и можетъ быть связанная съ нею обостренность чувства и разсудка является слѣдствіемъ фактическихъ поисковъ новыхъ источниковъ питанія. И если теперь, быть можетъ, истощатся новыя пастбища, то эти вновь пріобрѣтенныя качества будутъ содѣйствовать болѣе легкому нахожденію новой пищи.

Эти причинно-необходимыя, но телеологически непреднамѣренныя побочныя воздѣйствія цѣлесознательнаго поступка очень характерны для сущности историческаго матеріализма. Вундтъ („Этика" стр. 231) говоритъ, касаясь этого, о принципѣ *гетерогоніи цѣлей,* которую онъ опредѣляетъ, какъ „общій опытъ, что въ совокупномъ объемѣ человѣческихъ волевыхъ поступковъ дѣйствія поступковъ болѣе или менѣе превышаютъ рамки первоначальныхъ волевыхъ мотивовъ и происходящіе отсюда новые мотивы", которые снова „дѣйствуютъ подобнымъ же образомъ". Сознательный поступокъ человѣка старается разрѣшить по-

ставленную себѣ проблему; при этомъ, однако, онъ создаетъ, не желая и не сознавая, новыя проблемы, которыя побуждаютъ человѣка къ новымъ поступкамъ и затѣмъ снова къ новымъ проблемамъ, дѣйствуя такимъ образомъ на него воспитательно.

Принципъ „гетерогоніи цѣлей“ Марксъ и Энгельсъ открыли гораздо раньше Вундта. Такъ Марксъ говоритъ: „Человѣкъ, воздѣйствуя (сознательно) своимъ трудомъ на внѣшнюю природу, измѣняетъ одновременно (безсознательно) свою собственную природу“. Тоже самое говоритъ Энгельсъ („Фейербахъ“ стр. 43) и положенія Маркса въ предисловіи къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“—ничто иное, какъ приложеніе этого принципа къ конкретнымъ историческимъ событіямъ. Эту мысль мы должны развить нѣсколько подробнѣе.

Основное положеніе этого предисловія гласитъ: „Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ вообще соціальный, политическій и духовный жизненный процессъ“. Эту вкратцѣ выраженную мысль необходимо пояснить. Какъ извѣстно, ни одно поколѣніе не свободно въ выборѣ способовъ производства; каждое связано существующимъ способомъ производства. Въ феодальномъ государствѣ не могъ появиться современный фабрикантъ. Что въ феодальномъ государствѣ обыденное мышленіе и сознаніе имѣли совсѣмъ другія формы, чѣмъ въ современномъ государствѣ, этого и Штаммлеръ навѣрное не станетъ оспаривать. Онъ и теперь можетъ наблюдать, на сколько сильно обусловливаются обыденное сознаніе и мышленіе помѣщиковъ, фабрикантовъ, рабочихъ ихъ жизненными отношеніями.

Но спрашивается, какъ же происходятъ измѣненія? Происходятъ ли они просто на просто такимъ образомъ, что въ одинъ прекрасный день являются умные люди и говорятъ: феодальное государство не годно, мы хотимъ учредить капиталистическое государство, толпа выражаетъ имъ свое сочувствіе, разрушаетъ феодальное государство и создаетъ совершенно новыя условія жизни? Этого и самъ Штаммлеръ не говоритъ; для этого онъ, несмотря даже на

свою телеологію, слишкомъ сильно проникнутъ причинной условностью всей жизни.

Въ самомъ феодальномъ строѣ, прежде всего, складываются измѣненныя формы производства и обмѣна при чемъ люди не сознаютъ всей важности этихъ маленькихъ измѣненій. Послѣднія влекутъ за собою дальнѣйшія измѣненія; наконецъ, интересы отдѣльныхъ группъ требуютъ защиты, дальнѣйшаго устройства правового порядка, а это ведетъ къ правовому преобразованію вообще и т. д.

Иногда Штаммлеръ повидимому улавливаетъ это, въ другихъ же мѣстахъ онъ, повидимому, считаетъ производство, технику совершенно мертвыми вещами, которыя отъ самихъ себя зависятъ; напр. когда онъ говоритъ: „[illegible] требовать причинно-необходимаго послѣдствія заключаетъ въ себѣ полную безсмыслицу“ (стр. 628). Различія между механическимъ и гетерогоническимъ побужденіемъ, которое дѣйствуетъ также на волю причинно, онъ очевидно не признаетъ.

Въ противоположность послѣднему, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее: люди производятъ сознательно свои продукты. Но они дѣлали бы это *одинаковымъ способомъ* до безконечности, не идя дальше, если бы подъ вліяніемъ новыхъ внѣшнихъ или гетерогоническихъ импульсовъ не возникали бы новыя задачи. Разрѣшая эти задачи, данное общество разрѣшаетъ задачи, идетъ впередъ, не разрѣшая ихъ, оно идетъ назадъ или же совершенно погибаетъ. Это, замѣчу между прочимъ, единственный пунктъ, въ которомъ, по моему мнѣнію, Марксъ ошибался. Именно, онъ говоритъ: „Человѣчество ставитъ себѣ всегда только тѣ задачи, которыя оно можетъ разрѣшить“. Древній же міръ не могъ разрѣшить, по нашему мнѣнію, противорѣчія между воздѣлываемыми помощью рабовъ латифундіями и обусловленнымъ послѣднимъ освобожденіемъ многочисленнаго безработнаго и неимущаго пролетаріата. Во времена Гракховъ это противорѣчіе вошло въ сознаніе, какъ проблема, но не было найдено средствъ для ея разрѣшенія и Римъ долженъ былъ погибнуть.

Во всемъ остальномъ можно Маркса очень мало обвинять, если только не бороться съ призраками и не разсматривать матеріалистическое пониманіе исторіи, какъ догму. Это не догма, это только эвристическій принципъ, „руководящая нить“, для „занятій“, не больше (Пред. къ „Критикѣ нѣк. пол.“ стр. XI). Намъ нѣтъ необходимости доказывать, насколько онъ въ этомъ отношеніи плодотворенъ: этого не оспариваетъ даже и Штаммлеръ.

Штаммлеръ только объявляетъ этотъ принципъ все еще „незрѣлымъ“ и „непродуманнымъ“, мы же напротивъ должны стать на другую точку зрѣнія и доказать, что онъ не правъ. Мы уже указали, что онъ постольку не „незрѣлъ“, поскольку включаетъ въ одну и ту же причинную связь духовныя стороны жизненнаго процесса: волю и этимъ самымъ телеологію. Намъ еще остается только изложить, какъ практическій идеализмъ именно въ этой теоріи пріобрѣтаетъ болѣе выдающееся и ясное значеніе, чѣмъ въ какой-бы то ни было прежней догматически-идеалистической системѣ.

Историчесній матеріализмъ и практическій идеализмъ.

На порогѣ всякаго идеализма мы встрѣчаемъ старое различіе между матеріей и формой. И Марксъ также признаетъ это различіе. Для него „продуктъ“ есть „естественная матерія, приспособленная измѣненіемъ формы для человѣческихъ потребностей“. Но у Маркса это различіе подвижное. Продуктъ, который существуетъ въ формѣ, пригодной для потребленія, можетъ стать снова сырымъ матеріаломъ для другого продукта, какъ напримѣръ, виноградъ служитъ сырымъ матеріаломъ для вина. Напротивъ того, у послѣдователя Платона или строгаго кантіанца различіе это является неподвижнымъ и устойчивымъ. Мы уже

видѣли, какое рѣзкое анатомическое разграниченіе проводитъ Штаммлеръ между хозяйственной матеріей и законной формой.

Но, если даже различіе между матеріей и формой и подвижно, то все же оно не *произвольно*, какъ это видно изъ приведеннаго примѣра Маркса. И практически очень важно различіе: преобладаетъ-ли и насколько точка зрѣнія матеріи, или точка зрѣнія формы.

При громадномъ количествѣ нашихъ повседневныхъ преобразованій данной матеріи, матерія и форма являются опредѣленными величинами. Чтобы придать опредѣленную форму машинѣ, необходимо опредѣленное количество матеріи, напримѣръ, желѣза, и совершенство, которое намѣрены придать этой формѣ, опредѣляется также часто техническими потребностями и вспомогательными средствами. Но при наличности нѣкоторыхъ данныхъ одинъ изъ этихъ факторовъ или оба вмѣстѣ могутъ быть неизвѣстными. Можетъ быть, напримѣръ, неизвѣстно, сколько желѣза необходимо для велосипеда. Если не возбуждается вопросъ о степени совершенства *формы*, то вопросъ сводится къ чисто *количественной* сторонѣ. Меньше или больше извѣстнаго количества желѣза нельзя употребить, иначе велосипедъ будетъ не цѣлесообразнымъ или же совсѣмъ не годнымъ. Поэтому дѣло сводится къ тому, чтобы найти „*правильную середину*“.

Иначе обстоитъ дѣло, если вопросъ не въ количествѣ, если вопросъ всецѣло сводится къ совершенству самой формы. Тогда спрашивается: какъ построить наиболѣе производительную машину? Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о правильной серединѣ. Построить наиболѣе производительную машину, это цѣль, которая лежитъ по ту сторону какихъ бы то ни было опредѣленныхъ границъ. Здѣсь вступаетъ телеологія въ свои права. Цѣль стремленія является недостижимымъ *идеаломъ*.

Эту особенность идеала мы должны ближе разсмотрѣть.

Для достиженія своей цѣли, человѣкъ долженъ: 1) *знать* и *владѣть* средствами, которыя ведутъ къ

цѣли; 2) „подчинить свою волю“ поставленной цѣли, „которая подобно закону, регулируетъ способъ его поступковъ“. (Марксъ „Капиталъ“ I, стр. 164). Въ обоихъ само собою понятныхъ требованіяхъ, замѣтимъ кстати, заключаются въ зародышѣ обѣ полярно-противоположныя и полярно-неразрывныя стороны дѣйствительно научной этики. Родомъ взаимнаго отношенія этихъ двухъ сторонъ обусловливаются четыре главныхъ случая, распадающіеся на двѣ группы.

Въ первомъ главномъ случаѣ средства не только извѣстны, но и доступны, и подчиненіе воли вошло въ привычку. Эта привычка современемъ, становится даже механическою привычкою, если только способъ, какимъ преслѣдуется цѣль, что составляетъ форму, не измѣняется. Поэтому взрослому человѣку масса отправленій, которыя въ его юности представляли объектъ страстныхъ стремленій и требовали большого самообладанія, уже не представляютъ больше никакой проблемы; они возбуждаютъ интересъ только въ исключительномъ случаѣ, если ихъ теченіе будетъ нарушено какимъ-либо неожиданнымъ событіемъ.

Второй главный случай имѣетъ мѣсто тогда, когда средства дѣйствительно или мнимо извѣстны и достижимы, но воля не склонна имъ подчиняться. Тогда выступаетъ воспитательное или какое-либо другое внѣшнее принужденіе, чтобы подчинить волю поставленнымъ требованіямъ. Этотъ и предыдущій случай имѣла исключительно въ виду до сихъ поръ этика. Она устанавливаетъ существующій жизненный порядокъ или существующій законъ; кто ему охотно слѣдуетъ, тотъ хорошъ; чья воля противится, тотъ, безъ дальнѣйшаго разсужденія, золъ. Нравственная задача состоитъ только въ томъ, чтобы подчинять волю *данному порядку*.

Этимъ двумъ случаямъ, которые соотвѣтствуютъ относительно постояннымъ состояніямъ общества. противостоятъ два другіе, въ которыхъ отражаются періоды болѣе быстрыхъ преобразованій и новообразованій общества.

Индивидуальное или соціальное развитіе можетъ, въ третьихъ, выдвинуть именно такія проблемы,—разрѣшеніе которыхъ еще окутано мракомъ, такъ какъ средства, ведущія къ поставленной цѣли, еще неизвѣстны и недоступны, и одновременно можетъ недоставать серьезныхъ стремленій розыскать правильныя средства и подчинить волю отысканію послѣднихъ. Наше время даетъ колоссальное количество примѣровъ этого случая. Масса людей совсѣмъ не хочетъ видѣть соціальной проблемы; они замыкаются въ себѣ, кривя совѣстью, и думаютъ, что если они ничего въ этомъ не понимаютъ, то тѣмъ радостнѣе могутъ продолжать трястись по избитой колеѣ. Стремленіе къ наживѣ, страсть къ наслажденіямъ, слѣпой шовинизмъ, политика угнетенія—таковы практическія выраженія этого образа мыслей; съ точки зрѣнія философіи, этотъ образъ мысли выражается отчасти въ преувеличенной привязанности къ старымъ вѣрованіямъ, отчасти въ морали господъ Ницше, пессимизмѣ Гартманна и мелкомъ оппортюнистическомъ эклектизмѣ.

Мы вынуждены отказаться отъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія этого очень интереснаго случая. Намъ необходимо перейти къ четвертому случаю, именно, къ случаю когда воля хотя склонна примѣнить средства, которыя ведутъ къ цѣли, но эти средства не могутъ быть, или могутъ быть, но не вполнѣ, познаны и достигнуты. *Въ этомъ случаѣ цѣль выступаетъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка, народа, слоя народа, какъ идеалъ.*

Характернымъ для этого случая является слѣдующее: съ одной стороны недостаетъ точныхъ границъ для рода и мѣры поступковъ; относительно средствъ спорятъ и за нихъ болѣе или менѣе неувѣренно хватаются. Съ другой стороны сама цѣль стоитъ предъ глазами подобно солнцу, ясная, общая и въ полной законченности, въ особенности, если эта цѣль значительной важности.

Иногда, конечно, и обыкновенная цѣль вызываетъ напряженіе всѣхъ силъ, какъ напр., при спортѣ. Если бы каждый, прежде чѣмъ рѣшиться на со-

стязаніе при бѣганьи взапуски могъ-бы въ умѣ точно оцѣнить всѣ постороннія обстоятельства, а также силы свои и своего противника, и вслѣдствіе этого могъ-бы убѣдиться въ томъ, что побѣда для него невозможна, то онъ не пустился-бы въ состязаніе. Только мысль о возможности побѣды заставляетъ его напрягать свои силы.

Съ одной стороны онъ не знаетъ, побѣдятъ-ли его силы даже при наибольшемъ напряженіи; съ другой — онъ знаетъ навѣрное, что только при высшемъ напряженіи ихъ онъ можетъ надѣяться на удачу. Поэтому его цѣль превращается для него въ идеалъ.

Если уже въ такихъ вещахъ идеалъ (если только мы его здѣсь должны такъ называть) часто является очень сильной возбуждающей силою, то это еще больше имѣетъ мѣсто при такихъ цѣляхъ, когда ставится альтернатива: разрѣшить ихъ, или же окончательно погибнуть. Мы уже видѣли это на примѣрѣ животныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ у человѣка идеалъ пріобрѣтаетъ положительно всемогущую возбуждающую силу. И если цѣль достигается не такъ, какъ надѣялись, то послѣднее дѣйствуетъ еще болѣе возбуждающе, потому что, если тѣ пути, на которыя раньше надѣялись, оказываются недостижимыми, силы возрастаютъ и стремятся найти новыя пути разрѣшенія. Этимъ объясняется, почему цѣль соціализма, освобожденіе отъ капитала и созданіе новыхъ гармоническихъ жизненныхъ формъ, смогла такъ сильно захватить массы, двигать ихъ впередъ и теперь уже ихъ поднять. Теперь угнетенные знаютъ, что они должны употребить всѣ силы на то, чтобы найти и примѣнить вѣрныя средства для разрѣшенія данной соціальной проблемы, такъ какъ въ противномъ случаѣ они будутъ повергнуты въ еще большую нужду и вся достигнутая ими культура погибнетъ вмѣстѣ съ ними.

Но этотъ идеалъ только тогда вполнѣ овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ ясно понятъ. Распознаніе всякаго идеала до яснаго представленія о немъ, является поэтому, необходимымъ предварительнымъ условіемъ свободной *разумной* дѣятельности.

Иначе человѣкъ остается на почвѣ слѣпого, дикаго импульса.

Опираясь на такой непосредственно практическій идеалъ, составляютъ затѣмъ общее идеальное понятіе, которое, разъ создавшись, служитъ источникомъ дальнѣйшихъ конкретныхъ идеаловъ, подымаетъ ихъ, возбуждаетъ даже тамъ идеальныя стремленія, гдѣ безъ него они не могли бы имѣть мѣста. Это идеальное понятіе имѣетъ слѣдующія отличительныя черты. При каждомъ намѣренномъ поступкѣ мелькаетъ сознаніе, что всѣ внутреннія и внѣшнія силы должны быть направлены и сосредоточены на цѣли. Они должны быть такъ сосредоточены, чтобы въ своей совокупности быть достаточной *причиной* для достиженія *цѣли*. Выражаясь языкомъ Штаммлера, это значитъ: при каждой цѣли дѣло только въ томъ, чтобы „сдѣлать закономѣрной сырую чувственную матерію“ (стр. 391). Конечно, при такомъ способѣ выраженія соразмѣрныя духовныя силы должны быть также причислены къ „сырой чувственной матеріи“, потому что соотвѣтствующій цѣли порядокъ остальной матеріи невозможенъ безъ порядка мысли и воли.

Если мы, однако, сосредоточимся на абстрактномъ, общемъ понятіи *порядка*, отвлекаясь отъ *всякихъ* конкретныхъ особенностей, то мы, конечно, вмѣстѣ съ Штаммлеромъ скажемъ, что нашимъ намѣреннымъ поступкамъ „служитъ основаніемъ твердый, неизмѣнный масштабъ въ идеѣ абсолютнаго единства“ (стр. 482), который „независимъ отъ всѣхъ эмпирическихъ событій и стремленій“ и который только „осуществляетъ“ „закономѣрное направленіе“ послѣднихъ. Мы, конечно, будемъ понимать это „обоснованіе“, не въ томъ смыслѣ, что эмпирическая дѣйствительность кристаллизовалась вокругъ первоначальной реальности абсолютнаго понятія, а въ томъ, что это понятіе представляетъ абстракцію, которая сдѣлалась „абсолютно“ свободной отъ особыхъ направленій, и теперь же „a priori“, какъ говоритъ Кантъ, склонна сдѣлаться примѣнимой ко всѣмъ подобнаго рода особеннымъ направленіямъ.

Этотъ масштабъ „неизмѣннаго“ единства можетъ именно, если онъ уже тамъ установился, быть

примѣнимымъ къ каждой отдѣльной цѣли или къ любой комбинаціи отдѣльныхъ намѣренныхъ поступковъ. Всѣ группы нашихъ индивидуальныхъ, семеѣныхъ, классовыхъ, государственныхъ и человѣческихъ цѣлей должны будутъ разсматриваться согласно этой, разъ пріобрѣтенной, абстракціи „высшаго единства". Должно спросить разъ навсегда, связаны ли воедино всѣ наши средства и цѣли? Такъ какъ, если этой связи нѣтъ, то неминуемо существуютъ столкновенія, а тамъ гдѣ происходятъ столкновенія, тамъ поставленныя цѣли въ большей или меньшей степени не могутъ быть осуществлены. Научный соціализмъ это знаетъ настолько хорошо, что на этомъ построилъ всю свою теорію. Вѣдь всѣ свои главныя доказательства онъ, какъ это также извѣстно Штаммлеру, черпаетъ изъ дѣйствительныхъ противорѣчій современной общественной жизни и изъ призыва къ созданію новаго, высшаго единства, провозглашеннаго слоями народа, угнетаемыми этими противорѣчіями.

Понятіе единства расширяется тогда до понятія совершенства.

Здѣсь выступаетъ наружу форменный идеалъ, и это имѣетъ мѣсто въ тысячахъ различныхъ мелочахъ жизни, точно также, какъ и при великихъ, захватывающихъ человѣчество цѣляхъ. Является стремленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ причина къ большему вниманію, старательному розысканію правильныхъ средствъ, болѣе сильному подчиненію собственной воли.

Книгоиздательство Е. П. ГОРСКОЙ,

подъ редакціей В. Я. Желѣзнова и при ближайшемъ участіи К. К. Чекеруль-Куша.

Вышли въ свѣтъ:

Бинкъ. „Развитіе Бельгійской рабочей партіи“. Цѣна 8 к.

Цеттербаумъ. „Классовыя противорѣчія въ еврейскомъ обществѣ“, пер. съ нѣм. Цѣна 15 к.

Г. Куновъ „Этнографія, соціологія и матеріалистическое пониманіе исторіи“, пер. съ нѣм. Цѣна 15 к.

Шестернинъ. „О народныхъ выборныхъ“. Цѣна 12 к.

Проф. Покровскій. „Гражданскій судъ и законъ“. Цѣна 20 к.

Ф. Энгельсъ. „Сила и экономика“. 8 к.

Шиппель. „Экономическія перевороты и развитіе соціализма“, пер. съ нѣм. Цѣна 10 к.

Ф. Энгельсъ. „Общественное движеніе въ Германіи“ пер. съ нѣм. ц. 8 к.

Ф. Энгельсъ, „Нѣмецкій крестьянинъ“ пер. съ нѣм.

Г. Куновъ, „Соціально-философскія заблужденія“. пер. съ нѣм.

Эрнстъ. „Соціальныя условія Римской Имперіи наканунѣ нашествія варваровъ“. пер. съ нѣм.

Лабріоло. „Кризисъ Марксизма“.

Каутскій. „Непосредственное народное законодательство и классовая борьба“ пер. съ нѣм. ц. 8 к.

Складъ изданія Е. П. ГОРСКОЙ помѣщается: Кіевъ, Пушкинская № 11-б.

Книгоиздательство Е. П. ГОРСКОЙ,

подъ редакціей В. Я. Желѣзнова и при ближайшемъ участіи К. К. Чекеруль-Куша.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу:

IV-й томъ „Капиталъ“ Маркса, пер. съ нѣм. В. Я. Желѣзнова.
Джонъ Рэ „8-ми часовый рабочій день“, пер. съ англійскаго И. А. Желѣзновой.
Морисъ Хилькитъ. „Исторія соціализма въ соед. Шт.“, пер. съ анл. И. А. Желѣзновой.
Менгеръ А. „Гражданское право и неимущіе классы“, пер. съ нѣм. съ пред. проф. І. А. Покровскаго.
Габріель Девиль. „Капиталъ“ (Изложеніе эконом. уч. К. Маркса) пер. съ франц.
„Жизнь рабочаго“, подъ ред. и съ пред. Гейне, пер. съ нѣм.
Цеттербаумъ. „Сіонизмъ и соціализмъ“, пер. съ нѣм.
Мерингъ. „Лассаль и Марксъ“, пер. съ нѣм.
Э. Вандервельдъ. „Профессіональныя ассоціаціи въ Бельгіи“.
Ф. Энгельсъ. „Кризисъ нѣмецкой классической философіи“.
Его же „Нѣмецкій крестьянинъ“. пер. съ нѣм.
Его же „Метафизика и діалектика. Діалектика въ современномъ естествознаніи“, пер. съ нѣмецкаго.
Г. Куновъ. „Соціально-философскія заблужденія“, пер. съ нѣм.
Его же „Экономическія основанія матріархата“, пер. съ нѣм.
П. Лафаргъ. „Историческій матеріализмъ“, пер. съ франц.
Его же „Преступность во Франціи“. съ пред. къ русск. изд. Лафарга, пер. съ франц.
Эрнстъ. „Соціальныя условія Римской Имперіи наканунѣ нашествія варваровъ“, пер. съ нѣм.
Лабріола. „Историческая справка къ комунистическому манифесту“, пер. съ франц.
Атлантикусъ. „Производство и потребленіе въ соціалистическомъ государствѣ“. съ пред. К. Каутскаго. пер. съ нѣм.
Гастонъ Мокъ. „Армія въ демократическомъ государствѣ“, пер. съ франц.
Ривсъ. „Рабочее законодательство въ Австраліи и Новой Зеландіи“, пер. съ анг.
Ф. С. „Исторія франц. революц.“, пер. съ польск.
Авелингъ. „Дарвинъ и Марксъ“, пер. съ нѣм.
Мерингъ. „Очеркъ соціализма“, пер. съ нѣм.
Менгеръ. „Новое ученіе о нравственности“, пер. съ нѣм.
Лабріола. „Къ Кризису марксизма“.
Панекоэкъ. „Марксизмъ и телеологія“. пер. съ нѣм.
Люксембургъ. „Революція въ Россіи“, пер. съ нѣм.

По дѣламъ издательства просятъ обращаться въ контору Пушкинская 11-б. Кіевъ.

Цѣна 7 коп.